

УДК 1(091)

В. П. Кошарный

СОЦИОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ И. А. ИЛЬИНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Социологическое наследие русского серебряного века и послеоктябрьского зарубежья – неотъемлемая часть отечественной интеллектуальной истории. Особый интерес здесь представляет тема революции и философско-социологическое осмысление революционных событий в России. Предмет статьи – философия и социология революции выдающегося русского философа и социолога И. А. Ильина. Цель статьи – выявление основного содержания и методологических подходов русского мыслителя к решению проблемы революции.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе использования трудов И. А. Ильина, советских, российских и зарубежных авторов исследований, посвященных рассматриваемой проблематике. Методологический инструментарий включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет показать оригинальность философско-социологических взглядов И. А. Ильина на проблему революции.

Результаты. В статье раскрываются теоретические источники социологии и философии революции И. А. Ильина, осмысливается ее содержание, показывается неоднозначный характер концепции мыслителя.

Выводы. На основе анализа социологических и историко-философских источников делается вывод о том, что данный тематический срез отечественной мысли позволяет увидеть своеобразный взгляд на природу русской революции и путей развития социально-политического и экономического процессов в стране.

Ключевые слова: русская революция, метафизика революции, революциология, природа революции, духовный кризис, революция духа, преодоление революции.

V. P. Kosharnyy

I. A. ILYIN'S SOCIOLOGY OF REVOLUTION

Abstract.

Background. The sociological heritage of the Russian silver century and post-revolutionary expatriate community is an integral part of Russian intellectual history. Of special interest here is a topic of the revolution and philosophical-sociological understanding of revolutionary events in Russia. The subject of the article is philosophy and sociology of revolution of an outstanding Russian philosopher and sociologist I. A. Ilyin. The article is aimed at revealing main contents and methodological approaches of the thinker to solving the problem of revolution.

Materials and methods. The research tasks were implemented on the basis of I. A. Ilyin's works, works by soviet, Russian and foreign author, devoted to the subject under consideration. The methodology included the comparative-historical me-

thod allowing to display I. A. Ilyin's originality of philosophical and sociological views on the problem of revolution.

Results. The article reveals theoretical sources of I. A. Ilyin's sociology and philosophy of revolution, comprehends its content, displays the diverse nature of the thinker's conception.

Conclusions. By analyzing sociological and historical-philosophical sources, the researcher concludes that the given topical summary of the Russian thought allows to speak about an original view on the nature of the Russian revolution and ways of development of sociopolitical and economic processes in the country.

Key words: Russian revolution, metaphysics of revolution, science of revolutions, nature of revolution, spiritual crisis, revolution of spirit, overcoming revolution.

Иван Александрович Ильин (1883–1954) – один из тех деятелей серебряного века русской культуры, чье имя навечно вписано в русскую интеллектуальную историю. Этот талантливый ученик П. И. Новгородцева уже первыми своими работами по проблемам права обратил на себя внимание русской гуманитарной интеллигенции начала столетия. Его двухтомное исследование «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) принесло автору славу оригинального и глубокого мыслителя, поставило в один ряд с крупнейшими российскими философами своего времени. Судьба И. А. Ильина типична для его поколения. В конце 1922 г. он оказался в числе пассажиров знаменитого «философского парохода», увозившего из России в изгнание цвет русской науки и культуры и ставшего символом многолетнего разрыва некогда единого отечественного культурно-философского и социологического пространства. Родина была покинута навсегда. Научная и общественная деятельность Ильина в эмиграции была весьма интенсивной. Он возглавил Русский научный институт в Берлине, постоянно выступал с докладами на философско-социологические темы в различных городах Германии и других европейских стран. Будучи убежденным монархистом, Ильин крайне отрицательно относился к коммунистической идеологии и советской политической системе. Русский научный институт, которым он руководил, вошел в 1933 г. в «Объединенный союз антикоммунистических организаций Германии». И тем не менее пришедшие к власти гитлеровцы отстранили профессора Ильина от преподавания, лишили права публичных выступлений, возможности публиковать свои труды. Причиной запрета послужил категоричный отказ мыслителя следовать в преподавании идеологическим установкам национал-социализма. И. А. Ильин не принимал тоталитаризма в любом его виде: как в форме сталинской диктатуры, так и в виде фашистского режима, воцарившегося в Германии после 1933 г. Лишь в 1938 г. мыслителю удалось выехать в Швейцарию, где он и прожил до самой своей кончины 21 декабря 1954 г.

Среди важнейших тем творческой деятельности И. Ильина в эмигрантский период – темы России, патриотизма, духовного обновления, философские и социологические проблемы власти, государственного устройства и организации общественной жизни и, конечно, русская революция – незатухающая боль и сосредоточие мыслей практически всех деятелей российского послеоктябрьского зарубежья.

И. Ильин занимал особое место в спектре политических сил и течений российской эмиграции. Для него оказались чуждыми принципы и идейные

платформы таких влиятельных в российском зарубежье идейно-политических направлений, как сменовеховство и евразийство [1, с. 165]. И. Ильин не разделял социально-политических взглядов С. Булгакова и Н. Бердяева, критически относился к учениям Д. Мережковского, Л. Карсавина и С. Франка. Почти все они платили ему тем же. Из видных философов российского зарубежья взгляды И. Ильина принимали, пожалуй, лишь Н. Лосский, Н. Арсеньев и особенно П. Струве, с явной симпатией относившийся как к политической позиции, так и к философским идеям мыслителя, считавший его редким и значительным явлением русской образованности, обладающим своим лицом и оригинальным дарованием [2, с. 135–137]. Такая оценка не случайна. Дело в том, что мировоззрение И. Ильина, тяготевшего к политической философии консерватизма, оказалось созвучным «либеральному консерватизму» позднего Струве, уходившего своими корнями в органический историзм XIX в., в традиционалистские учения Ж. де Местра, Л. де Бональда, Ф. фон Савиньи.

Для «государственника» И. Ильина, который полагал, что форма государственного устройства является функцией правосознания того или иного народа, революция 1917 г. представлялась результатом крайнего ослабления духовных основ народной жизни. Он связывал причины революционного взрыва с утратой обществом «русских органических и священных традиций», шаткостью «нравственного характера», непомерным «политическим дерзанием» и отсутствием «творческих идей» [3, с. 106]. «Не в материальных основах жизни, не в хозяйстве и не в технике надо искать последние причины нашего крушения, – писал И. Ильин на страницах редактируемого им журнала “Русский колокол”, – а в духовных основах: ибо – когда дух на высоте, то он овладевает материальными условиями и задачами; тогда он подчиняет их себе, строит, создает и совершенствует. Материальное начало важно и существенно, но оно есть лишь продукт духа и средство духа. И только сильный, укорененный, воспитанный и организованный дух может поставить материю на высоту» [4, с. 32].

В целом эта позиция И. Ильина, как видим, оставляла его в рамках методологической парадигмы идеалистического понимания истории. Но в завершающем предложении цитируемого отрывка просматриваются и некоторые особенности социологической позиции И. Ильина – мыслителя акта и воли, певца «волевой идеи». Они ярко проявились в истолковании ученым вопросов общественного устройства и развития.

Обратимся к трактовке И. Ильиным причин и факторов, обусловивших кризис общественного сознания, прежде всего национального правосознания, плачевное состояние которого, по мнению И. Ильина, и привело к крушению Российского государства. Ответственность за катастрофическое состояние русского духа философ, как в свое время и авторы знаменитого сборника «Вехи» (1909), возлагал на отечественную интеллигенцию. Но, в отличие от участников сборника, в содержание понятия «интеллигенция» он включал не только носителей революционистского типа сознания, а всех представителей так называемого «образованного общества». Одни из них, полагал философ, вели к революции сознательно, другие способствовали ей проповедью непротivления, опрощения, равенства. Третьи – «безыдейно и мертвящею реакционностью», неумением воспитывать, укреплять духовную сопротивляе-

мость народа, защищать свободу, своей социальной пассивностью [5, с. 3–4]. Революция – духовная болезнь. Она является следствием неверной ориентации ума и воли, непонимания интеллигенцией своего предназначения в жизни России. Не найдя органического места в жизни российского общества, интеллигенция, утверждал И. Ильин, не только не способствовала укреплению здоровых основ жизни (в чем и состояла ее основная задача), но, напротив, расшатывала и размягчала их. В итоге народ пошел не за ней, а за теми, кого И. Ильин называл «международной полуинтеллигенцией», беспочвенной, лишенной государственного начала и воли, не имевшей корней в своем народе и великой национальной идеи. Все это привело, по И. Ильину, к полному исчезновению «инстинкта национального самосохранения» [5, с. 5–8].

Эти размышления философа достаточно традиционны для метафизики и социологии революции представителей русской послеоктябрьской эмиграции, исследовавших прежде всего онтологические глубины народного духа, духовно-нравственные начала общественной жизни. Анализ революции в терминах культурологического подхода дал свои положительные результаты для более глубокого проникновения в суть революционных событий. Здесь русским религиозным философам и социологам принадлежит безусловный приоритет. Они, и это сейчас уже общепризнанно, были в числе первых, кто, столкнувшись не только с революционной идеологией, но и с революцией в ее эмпирическом бытии, подверг духовные основы революции и ее практическое воплощение глубокому анализу и критике, во многом предвосхитив подходы и аргументы западных специалистов в области революциологии. Однако при всей эвристической ценности и плодотворности культурологического подхода к анализу общественных процессов в целом и революции в частности нельзя не признать и присущую ему ограниченность. По существу, его сторонники оставляли вне поля зрения сложные объективные процессы, протекавшие в других сферах общественной жизни. Справедливости ради нужно отметить, что И. Ильин, придерживавшийся в целом методологических установок религиозной метафизики революции, все же стремился привлечь для раскрытия причин революционного развития событий в России и другие факторы.

Революцию, по его мнению, вызвало и все то, что задерживало политическое и культурное развитие страны: неуравновешенный континентальный климат, огромная территория с открытой незащищенной равниной, континентальная замедленность в жизни, обилие малых и разнородных племен, особенности языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, нескончаемые оборонительные войны и многое другое.

В высказываниях И. Ильина по поводу своеобразия русского исторического процесса содержалось немало верных и тонких замечаний и суждений, во многом совпадающих с оценками современных исследователей. Так, в литературе не раз отмечалось, что неровный, «катастрофический» (Н. А. Бердяев) темп русской истории придал стадиальной картине исторического процесса как бы «смазанный» характер. Не успев выйти из одного этапа развития, разрешить свойственные ему противоречия, страна часто оказывалась перед новыми проблемами, характерными для другой эпохи. Непреодоленные остатки прошлого осложняли экономическую, политическую и культурную жизнь России. Наложение друг на друга типологически разнородных

конфликтов приводило к их взаимному усилению и сказывалось на формировании национально-своеобразного характера русской истории. Однако фиксируя особенности русской истории, географические, этнографические и даже лингвистические обстоятельства, И. Ильин не делал предметом своего анализа развитие реальных социально-экономических противоречий, борьбу интересов конкретных социальных сил. Внимание мыслителя было целиком поглощено субъективной стороной исторического процесса. Его стихия – сознание и воля, детальный анализ которых и составляет его вклад в исследование феномена революции.

Русские революционеры, отмечал он, наивно верили в возможность переустройства общества политическими средствами на основе умозрительных проектов. В прямом переносе западноевропейских теоретических схем на отечественную почву (а именно так трактовал И. Ильин идейное содержание октябрьских событий 1917 г. и запущенных ими социальных процессов) мыслитель усматривал свидетельство игнорирования большевиками своеобразия страны и ее национальных задач. Утверждая, что государство может строиться только «живым народным правосознанием», И. Ильин отвергал революцию как способ совершенствования общественной жизни, противопоставлял ей идею «органического эволюционизма».

Не менее существенную ошибку деятелей революции он видел и в том, что те не учли опасностей для России, заложенных в сложившемся вследствие своеобразного, самобытного исторического развития психологическом типе русского человека. И. Ильин указывал на неуравновешенность русского темперамента, незрелость русского добродушного, по-детски увлекающегося характера, многолетнюю непривычку русского человека активно и ответственно строить свое государство [2, т. 1, с. 103]. Ученый, разумеется, не сводил черты характера русского народа к одним недостаткам и слабостям. Как и большинство отечественных мыслителей, писавших о «русском» (В. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Лосский, С. Франк, Л. Карсавин, Г. Федотов и др.), он, отмечая крайности национального характера, подчеркивал и его несомненные достоинства – мужество, доброту, способность к напряженному труду, свободолюбие, силу воли, позволяющую преодолеть недостатки. Смысл его упрека лидерам революции сводился к тому, что они использовали накопившиеся в народе утомление, горечь, протест в момент ослабления позитивных начал его духа, не умея предвидеть последствий.

Опасность попыток реализации идеалов свободы и справедливости в России путем революции И. Ильин связывал и с отсутствием в стране сколь-нибудь многочисленного и организованного «среднего сословия» и крестьян-собственников, т.е. тех слоев общества, на которых держались западные демократии. Отгалкиваясь от данного тезиса, И. Ильин формулирует другой: народ, не привыкший к политической свободе, – а что русский народ, сотни лет томившийся под гнетом самодержавия, именно таков, сомнений у И. Ильина не было – может не понять и не оценить ее, употребить на далекие от провозглашенных революцией идеалов и целей действия и в конце концов променять ее на личное и классовое благополучие [2, т. 1, с. 103].

Эти суждения были высказаны И. Ильиным много лет спустя после революционных событий 1917 г. На него, как и на многих русских философов – современников революции, неизгладимое впечатление произвело столкнове-

ние освободительного пафоса революции и той стороны ее эмпирического проявления, которая дала разгул анархического своеволия, крушение нравственных устоев, всплеск слепой ярости. Установка новой власти на непосредственную демократию обернулась в скором времени жесточайшей диктатурой. Вывод И. Ильина о том, что демократия, возникающая на неподготовленной почве, может превратиться в свою противоположность, представляется более чем актуальным. Падение нравов, правовой нигилизм, разгул преступности, резкое падение дисциплины в обществе, буйство неконтролируемых страстей в политике свидетельствуют о том, что и современному поколению людей бремя свалившейся на него свободы не во всех отношениях оказалась «по плечу».

В связи со сказанным вспоминаются гениальные открытия и пророчества Ф. М. Достоевского о трагической судьбе свободы в мире. Автор «Братьев Карамазовых» и «Бесов» первым увидел опасности, подстерегающие человечество на путях революционной свободы, и предупреждал о возможности перехода «безграничной свободы» в «безграничный деспотизм». Великий писатель и мыслитель всегда думал, что если ложно понятая свобода приводит к совершенному истреблению свободы, то и революционный социализм, одержимый идеей социального равенства, приведет в конце концов к тираническому господству привилегированного меньшинства над большинством.

В русле этих мыслей развивались и другие аспекты социальной философии И. Ильина. В воплощении в жизнь после победы революции социалистической идеи, десятилетиями владевшей умами российской интеллигенции, И. Ильин ощущал угрозу утверждения всепроникающего и всепоглощающего тоталитарного режима. Частная собственность и частная инициатива заменяются в условиях такого общества инициативой единого чиновничьего центра, что ведет к монополии государственного работодателя и создает зависимость всех трудящихся от касты партийных чиновников. Чтобы осуществить государственно-централизованный хозяйственный план, эта каста вынуждена силой вещей овладеть всей экономической деятельностью страны, а затем и политической, культурной жизнью народов. И. Ильин – сторонник общества «правовой свободы и творческой социальности», основанного на частной собственности и частной инициативе. Только частнособственническая экономика, по его мнению, способна обеспечить российские национальные интересы, «справедливое и братское хозяйствование» [2, т. 1, с. 36]. По существу здесь выражена мысль о том, что в правовой демократии, стоящей на страже интересов отдельной личности, может быть заинтересовано лишь общество, состоящее из собственников, людей, для которых ценности индивидуальной свободы являются условием продуктивной общественной трудовой деятельности.

Очерчивая контуры своего социального идеала, И. Ильин акцентировал внимание на понятии «социальность», трактовавшемся как «живая справедливость и живое братство людей». Всякое организованное усилие, всякий порядок, всякая правовая форма, от которых жизнь становится справедливее, укрепляются братские отношения между людьми, «социальны». Бережное отношение к человеческой личности, к ее достоинству, свободе И. Ильин считал первым условием социальности, которая есть прежде всего состояние

духа и порядок духовной жизни. Социальность (в ней можно увидеть некий аналог бердяевской коммунотарности) – цель и задача государственного строя. «Социализм же, – писал он, – есть только один из способов, предложенный для осуществления этой цели и задачи. “Социальность” нужна при всех условиях, а социализм – только при том условии, если он действительно осуществляет социальность» [2, т. 1, с. 36]. Сам философ в такую возможность не верил. Вероятно, сказалась практика сталинизма с ее атмосферой страха, лжи, доносов и репрессий. Такой социализм, предупреждал И. Ильин, может привести лишь к разочарованию, вражде, насилию, воровству, экономическим неудачам и падению культуры. Надо ли говорить, насколько он оказался прав. Многие страницы послеоктябрьских трудов И. Ильина посвящены осмыслению путей преодоления тоталитарного режима, утвердившегося в Советском Союзе к началу 1930-х гг. В разработку этой темы социальный мыслитель внес достаточно весомый вклад. Его анализ сущности тоталитаризма и авторитаризма, предпосылок и условий демократизации общественной жизни привлекают внимание своей глубиной и основательностью. И. Ильин определял тоталитаризм как политический строй, «беспредельно расширяющий свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования» [2, т. 1, с. 37].

Заметим, что эмпирического материала для такого рода обобщений XX в. дал больше чем достаточно. Непосредственное соприкосновение И. Ильина с германским фашизмом, положение дел на Родине, за которым он внимательно следил вплоть до последних дней жизни, выработали у него стойкое отвращение к тоталитарному порядку. Важно отметить, что сущность тоталитаризма он видел не столько в какой-нибудь определенной форме общественного и государственного устройства, сколько в масштабах управления, в его организации, обеспечивающей регулирование всех без исключения сфер общественной и личной жизни – «до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбацкой лодки и церковной исповедальни» [2, т. 1, с. 90]. При таком режиме все держится не на законах, а на указах, инструкциях и распоряжениях властей. Граждане только субъекты обязанностей, объекты распоряжений, носители страха, «симулянты сочувственной лояльности». Правосознание в таком обществе заменено психическими механизмами: голода, страха, муки, унижения и т.п. По мнению И. Ильина, такие режимы вплоть до XIX в. были явлением редким и кратковременным в силу отсутствия достаточных условий и средств всеобщего контроля: развитых путей сообщения, телеграфа, радио, телефона, авиации и т.д. И. Ильин лишь мимоходом затронул чрезвычайно сложную и актуальную проблему соотношения научно-технического прогресса и социального развития, высветил такой ее аспект, который и в современной общественной мысли не получил еще исчерпывающего разрешения [6, с. 3–20].

Авторитаризм, в отличие от тоталитаризма, характеризуется И. Ильиным как власть, независимая от народного избрания и контроля, но не исключая народного представительства с совещательными правами. Авторитарный режим не покушается на регулирование всего и вся, оставляя из-

вестный простор для самостоятельности граждан. Именно при таком режиме, полагал философ, Россия сложилась и окрепла, достигла могущества и культурного расцвета, тоталитаризм же ведет к нищете.

Не имея возможности подробно комментировать этот тезис, обратим внимание на положение, которое И. Ильин настойчиво проводил в ряде работ эмигрантского периода. Так, он считал принципиально несостоятельными утверждения о том, что авторитарный режим ведет к тоталитаризму, а демократия, наоборот, спасает народы от него. И действительно, в наше время стало ясно, что демократический строй в неправовой форме (специфическим признаком ее является «вождизм») также обнаруживает тяготение к вмешательству во все стороны жизни, опираясь при этом уже на санкцию большинства. Эскурсы в прошлое также укрепили И. Ильина в этом мнении. Он зафиксировал в четкой форме тот факт, что стремление к всеобщему регулированию возникло в истории главным образом или по теократически-церковным соображениям, или из демократически-социалистических побуждений. Социализм, по Ильину, как экономический, а потом и культурно-бытовой тоталитаризм имел большей частью с самого начала революционно-демократический характер. Добавим, что национально-освободительные движения в России и других странах не всегда ориентировались на обеспечение прав и свобод личности. Что касается революционной демократии XIX в., то именно она, полагал Ильин, проповедовала и готовила предельное расширение государственно-административного регулирования. Большевики же лишь довели эту линию до крайней формы. Впрочем, аналогичный результат И. Ильин предсказывал и европейской социал-демократии с той лишь разницей, что та должна привести, как он думал, к диктатуре социалистического большинства эволюционным путем.

Общий вывод И. Ильина состоял в том, что «противопоставление демократии и тоталитаризма есть предрассудок, иллюзия и ошибка» [2, с. 93]. Демократическое государство может обнаруживать тягу к свободолобию, отстаивать свободу и самостоятельность граждан. Но оно может представлять и опасность для личности, подчиняя ее коллективной воле тоталитарно настроенного большинства, которое будет поддерживать тоталитарный режим по всем правилам всеобщего голосования и парламентских заседаний.

Опираясь на принцип ведущей роли общественного сознания, в первую очередь правосознания, в государственном строительстве, И. Ильин подчеркивал, что не всякий народ и не в любых условиях в состоянии выдвинуть к власти лучших своих представителей. Для превращения такой возможности в действительность необходим достаточно высокий уровень морального состояния общества, правосознания, образования и материального положения граждан. Духовных основ для утверждения демократических (в подлинном смысле слова) форм жизни в коммунистическом тогда еще Советском Союзе философ не видел. Заслуживает внимания его предупреждение, что после падения тоталитарного режима, в неизбежности чего он был глубоко убежден, стране потребуется какое-то время для восстановления и утверждения духовных и социальных основ демократии; чувства государственной ответственности, «свободной лояльности», самостоятельности мышления людей, уважения к труду, сознания независимости и гражданского мужества, крепости семьи. Обязательным условием правовой демократии он считал высокое «ка-

чество народа». В связи с этим И. Ильин указывал на необходимость укрепления и расширения «среднего класса»: квалифицированных рабочих, крестьян-собственников, предпринимателей. «Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро выродится и погубит всякое народоправство» [2, с. 131]. Для всех стран, освобождающихся от многолетних диктаторских режимов, важное значение имеет проблема определения оптимальных путей перехода к демократическим формам организации жизни. Решение ее во многом зависит от уровня развития страны, исторических традиций, характера экономической системы и т.п. Учитывая особенности Советского Союза, И. Ильин считал наиболее подходящей для него формой переходного периода демократическую диктатуру. Требование немедленной демократии в свое время привело к коммунистической диктатуре. Аналогичный лозунг после крушения последней, замечал он, может привести к диктатуре антикоммунистической, которая ничем не лучше первой.

Мысль И. Ильина о необходимости «приучения» людей к свободе, «свободной лояльности», учение о «творческой демократии», в которой «лучшие и освященные основы монархии... впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание», единовластие примирится с самодеятельностью граждан, а сильная власть будет сочетаться с творческой свободой, при всей своей неоднозначности, совсем не свидетельствует о его «не-любви к свободе» [7]. Конечно, идея о движении к «творческой демократии» через демократическую диктатуру с единоличным диктатором многих если не шокировала, то уж во всяком случае не вдохновляла. Но на то, что она была не беспочвенной, косвенно указывает ее возрождение в постсоветский период. Мысли, схожие с теми, что развивал И. Ильин задолго до наших дней, можно без труда обнаружить в выступлениях и публикациях некоторых российских политологов. И. Ильин принадлежал к тем слоям российской послеоктябрьской эмиграции, которые надеялись на преодоление революции и ее результатов силой оружия. Будучи религиозным мыслителем, он приложил немало усилий для обоснования права христианина на физическое сопротивление злу, чему и посвящена его книга «О сопротивлении злу силою» (1925) – одна из самых знаменитых в истории русского зарубежья. И. Ильин предстает в ней убежденным сторонником «православного меча», озабоченным угрозой ценностям православной культуры со стороны внешних сил. Отвергнув толстовскую идею «непротивления», И. Ильин попытался совместить положение о религиозной оправданности физического «пресечения» зла с христианским идеалом нравственного совершенства. Мыслитель вполне сознавал неизбежность серьезных трудностей на этом пути и для их устранения выдвинул два принципа «отрицающей любви» как средства преодоления зла и «духовного компромисса» как способа разрешения антитез «православного меча». Идеального выхода в решении проблемы перед лицом агрессивного зла он не видел. Поэтому жизненная мудрость, считал Ильин, состоит «не в мнительном праведничании, а в том, чтобы в меру необходимости мужественно вступать в несправедность, идя через нее, но не к ней, вступая в нее, чтобы уйти от нее» [8, с. 202].

О том, насколько непросто определять такую «меру» и тем более соблюсти ее на практике, свидетельствует бурная полемика в эмигрантских кругах вокруг книги И. Ильина, зафиксировавшая опасные крайности принципа «сопротивления злу силою» [9, с. 223–279].

Можно согласиться с современным исследователем, который не видит возможности универсального разрешения антиномий «православного меча» в силу внутренней противоречивости самой идеи христианской культуры как попытки «законоположить» свободу, создать в греховном мире живую икону «царства не от мира сего» [10, с. 81]. И тем не менее сказанное не умаляет напряженных исканий русским философом путей к благополучию и свободе своей Родины.

Подводя итоги, отметим, что И. Ильин – мыслитель, безусловно, своеобразный. Далеко не все в его творчестве покажется нашим современникам бесспорным. Духовный строй его явно не вписывается в рамки утверждающегося ныне «европейски компромиссного» типа сознания. Эпоха, в которой ему выпало жить и творить, мало располагала к благодушию. Но и такой, каким он был, певец «волевой идеи» И. А. Ильин, несомненно, принадлежит к числу выдающихся продолжателей гуманистических традиций русской общественной мысли XIX – начала XX в.

Список литературы

1. **Кошарный, В. П.** Проблема революции в социологии и философии русского послеоктябрьского зарубежья / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 1 (33). – С. 163–184.
2. **Полторацкий, Н.** Иван Александрович Ильин. Жизнь, труды, мировоззрение / Н. Полторацкий. – Тенафли ; Нью-Йорк, 1989. – С. 135–137.
3. **Ильин, И. А.** Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. / И. А. Ильин. – Париж : Изд-во Русского Обще-Воинского Союза, 1956. – Т. 1. – 346 с. ; Т. 2. – 337 с.
4. **Ильин, И.** Наша государственная задача / И. Ильин // Русский колокол. Журнал волевой идеи / ред.-издатель проф. И. А. Ильин. – 1927. – № 1. – С. 30–32.
5. О русской интеллигенции // Русский колокол. Журнал волевой идеи / ред.-изд. проф. И. А. Ильин. – 1927. – № 2. – С. 3–4.
6. **Гаджиев, К. С.** Тоталитаризм как феномен XX в. / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 3–25.
7. **Хоружий, С. С.** Жизнь и учение Льва Платоновича Карсавина / С. С. Хоружий // Религиозно-философские сочинения. Т. 1 / Л. П. Карсавин. – М. : Ренессанс, 1992. – 325 с.
8. **Ильин, И. А.** О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – 2-е изд. – Лондон : Заря, 1975. – 279 с.
9. **Полторацкий, Н. П.** И. А. Ильин и полемика вокруг его идей о сопротивлении злу силой / Н. П. Полторацкий // О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – С. 223–279.
10. **Гаврюшин, Н. К.** Антитезы «православного меча» / Н. К. Гаврюшин // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 81.

References

1. Kosharnyy V. P. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki* [University proceedings. Volga region. Social sciences]. 2015, no. 1 (33), pp. 163–184.
2. Poltoratskiy N. *Ivan Aleksandrovich Il'in. Zhizn', trudy, mirovozzrenie* [Ivan Alexandrovich Ilyin. Life, works, world outlook]. Tenafl; New York, 1989, pp. 135–137.
3. Il'in I. A. *Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg.* [Our objectives. Articles 1948–1954]. Paris: Izd-vo Russkogo Obshche-Voin'skogo Soyuz, 1956, vol. 1, 346 p.; vol. 2, 337 p.
4. Il'in I. *Russkiy kolokol. Zhurnal volevoy idei* [The Russian bell. The journal of resolute idea]. 1927, no. 1, pp. 30–32.

5. *Russkiy kolokol. Zhurnal volevoy idei* [The Russian bell. The journal of resolute idea]. 1927, no. 2, pp. 3–4.
6. Gadzhiev K. S. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 1992, no. 2, pp. 3–25.
7. Khoruzhiy S. S. *Religiozno-filosofskie sochineniya. T. 1* [Religious and philosophical works. Vol. 1]. Moscow: Renessans, 1992, 325 p.
8. Il'in I. A. *O soprotivlenii zlu siloyu* [On counteracting evil with force]. 2th ed. London: Zarya, 1975, 279 p.
9. Poltoratskiy N. P. *O soprotivlenii zlu siloyu* [On counteracting evil with force]. P. 223–279.
10. Gavryushin N. K. *Voprosy filosofii* [Problems of philosophy]. 1992, no. 4, p. 81.

Кошарный Валерий Павлович

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии,
Пензенский государственный
университет
(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: dep-ph@pnzgu.ru

Kosharnyy Valeriy Pavlovich

Doctor of philosophy, professor, head
of sub-department of philosophy, Penza
State University
(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 1(091)

Кошарный, В. П.

Социология революции И. А. Ильина / В. П. Кошарный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 111–121.